

ма, рационализма и утилитаризма, которые породили ряд значимых феноменов «натурализации» культурных паттернов. В частности, репрезентация опыта удовольствия посредством дискурса удовлетворения потребностей привела к формированию повседневных практик, основанных на отождествлении «истинного опыта» с «наиболее эффективным функционированием». В данном контексте бунт против рационализации повседневности, против утилитарного целесообразного в повседневном опыте – симптом «денатурализации» механистической парадигмы культуры в целом, что предполагает постановку вопроса о формах практического воплощения антропологической парадигмы, ориентированной на уникальную истину индивидуального бытия.

Примечания

1. Барт Р. К психосоциологии современного питания // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2004.
2. Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М., 2007.
3. Гилберт Э. Есть, молиться, любить. М., 2009.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т.1. М., 1989.
5. Киньяр П. Секс и страх. М., 2000.
6. Ламетри Ж.О. Человек-машина // Ламетри Ж.-О. Сочинения. М., 1976.
7. Маркузе Г. Эрос и цивилизация // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2003.
8. Массовая культура России конца XX в. Ред. Б.Г. Соколов, Е.Г. Соколов. СПб., 2001. Ч.2.
9. Ортега-и-Гассет Х. Три этюда о вине // Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. М., 2006.
10. Осипова О.С. Тенденции гедонизма и аскетизма в ценностно-нормативном осмыслении брака в России // Феномен удовольствия в культуре. Материалы международного научного форума. СПб., 2004.
11. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб., 1997.
12. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр.соч. в 15 т. М., 1950. Т.7.
13. Эвола Ю. Метафизика пола. М., 1996.
14. Энафф М. Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена. СПб., 2005.
15. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887 гг. М., 1956.
16. Sipe D. Social Gastronomy: Fourier and Brillat-Savarin // French Cultural Studies. 2009, №20(3). – <http://frc.sagepub.com/content/20/3.toc>.

Е.В. Дементьева

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ АУДИАЛЬНОСТИ)

Каждая культура (традиционная или инновационная, первобытная или ультрасовременная – XXI в.) вырабатывает в человеке соответствующие формы мышления и восприятия, и благодаря этому тот собст-

венно и становится человеком – подобные утверждения давно стали штампом. То, что перспективное видение мира (трехмерная перспектива) не является всеобщим и врожденным, а линейное время приходит на смену циклическому, неоднократно демонстрировалось в работах М. Маклюэна, М. Элиаде и многих других авторов. Человек, не противопоставляющий себя в качестве субъекта миру, природе, не обладающий рационально-научным мышлением будет связан со своим окружением с помощью иных моделей восприятия, нежели житель мегаполиса. В последнем случае для в.п. XX – нач. XXI в. характерна с одной стороны утрата способности *действительного* различения (различения жестов, запахов, звуков, происходящее от непосредственного соприкосновения человека с природой, место которой сегодня заняла «среда обитания»), с другой – замещение прежнего естественного многообразия палитрой мнимых, искусственных различий. Они возникают благодаря искусственности, воссозданности среды, требующей от индивида способности стандартной реакции на стандартные условия, а отнюдь не способности к различению неупорядоченной сложности и существуют как симуляция, как «природность», вытеснившая природу.

Эта патология восприятия (ощущений), преподносящая себя как норму, как эталон отвечает запросам самой системы современной культуры. Возможно, уже Новое время, установив институт науки, разделив мир и человека, познаваемое и познающего (которому теперь принадлежало суверенное право на активность) и внедрив на всех уровнях культуры принцип универсализации (без которого невозможно единство научного знания), задало таким образом те самые единообразные модели восприятия, управляющие массовым сознанием. Т.к. ничто лучше стандарта не позволяет достичь идеального контроля над как можно большим количеством материала. Правильность, упорядоченность, стремление к единству должны были с необходимостью повлечь за собой утрату видеть, слышать, ощущать что-либо иное, нежели то, что прямо не вписывается в заранее предусмотренную матрицу. В традиционных (первобытных) культурах (благодаря действию мифа, ритуала, соотносящихся с представляющимся многообразием природы) мышление (или, скорее, «ощущение», «вчувствование» потому что для описания существования в мифе понятие «мышление» слишком узко) подстраивалось под иное. Универсальная, порожденная глобализацией система знаний действует наоборот: иное «переваривается», объясняется с позиций научности и наконец, адаптируется для массового восприятия. Работа СМИ представляет собой один из механизмов по блокировке всевозможных «инаковостей»: нет более таких тем, которые не

могли бы проникнуть в масс-медийное пространство (и Интернет здесь играет все более значимую роль), но эта кажущаяся всеядность объясняется тотальным диктатом системы, которая потому-то настолько сильна, что может заблаговременно все что угодно в себя включить. А значит, существует видимое, искусственное, симуляционное многообразие без действительного различения.

Вот почему ощущения теперь стали элементарным придатком подобного «медийного» сознания, они, безусловно, также важны, но представляются по отношению к нему как нечто второстепенное. Если мышление, знание подчинены заранее представленным моделям, то и ощущения (зрение, слух, осязание, обоняние...) должны по необходимости у всех людей функционировать одинаково, или если не функционировать (т.к. всегда есть маргиналы – сумасшедшие, больные и т.д.), то хотя бы опираться на общие основания. Причем забывается, что наше знание о природе не есть нечто раз и навсегда утвержденное в качестве абсолютного закона, но знание, принятое *на данный момент* и оно изменяется вместе с ходом истории. Из-за этого возникают многочисленные варианты проверки с помощью «опытов» «законов природы», с энтузиазмом популяризирующиеся и затем транслирующиеся через СМИ. Например, относительно подтверждения всевластия законов ладотональной системы (возникшей в западноевропейской цивилизации в определенный момент ее развития, но вовсе не свойственной изначально всем культурам) был следующий сюжет: коровам предлагалась к прослушиванию классическая музыка (Моцарт, Бетховен...) отчего у них вдруг повышались удои (хотя, может быть в присутствии ученых за ними лучше ухаживали и больше кормили). Вывод отсюда был следующий: если даже буренки ощущают благотворное воздействие подобного, то насколько же больше повезло Homo sapiens в том, что он наконец-таки открыл и использует великий закон слушания «правильной» музыки (от тяжелого рока удои вряд ли бы повысились). Авторитет классической европейской музыки, конечно же, неколебим, но признавая за одной из музыкальных систем право быть всеобщей (не только у людей, но и у животных) массовая культура игнорирует все остальные. Более того, она «переводит» на свой собственный язык другие модели аудильности отказывая тем самым им в уникальности.

В итоге – и это опять превосходно демонстрирует СМИ – люди постепенно отучаются слушать иное отчего, в конечном счете, страдает сама классика. Ведь практически вся популярная музыка представляет собой крайне упрощенную (по тональным отношениям, ритму) классическую систему – и чем она проще, тем больше людей можно к ней

приобщить (достичь идеального единства). Весь спектр поп-индустрии (или рынка) является многообразием без действительного различения: так же как природные запахи (вкусы) вытеснены искусственными, различающимися не по существу, но только добавками, отдушками (жевательные резинки, духи) также бесчисленные направления популярной музыки на «остов классики» нанизывают всевозможные идеологии, т.е. алиби. И в данном случае не имеют веса реплики о том, чтобы «быть ближе к зрителю», слушателю, стать «понятнее» ему потому, что на самом деле происходит все та же формовка зрительного (слухового) восприятия посредством обучения (как и в академическом искусстве), но только в соответствии с более примитивным образцом, что доказывается неспособностью (или нежеланием, а здесь это – одно и то же) зрителя (слушателя) возвращенного на «попсе» воспринимать «высокое искусство» театров и музеев. Оно для него столь же «сложно», «непонятно» и бессмысленно как для многих людей воспитанных в соответствии с классической европейской моделью слушания традиционная музыка других культур (гагаку, горловое пение...) или додекафония А. Шенберга, серийная, сонорная, конкретная музыка его последователей. Может быть реакцией на подобную универсализацию-упрощение восприятия (или предчувствием ее еще большего усугубления) было изучение и создание различных, неприемлемых для классической музыки систем такими композиторами как Д. Кейдж, К. Штокхаузен, Л. Ноно, П. Булез. Но если Ноно и Булез создавали новые звучания, работая и переосмысляя музыкальную модель Шенберга, изучали историю европейской музыки, т.е. оставались в пределах своей культуры, то Кейдж и Штокхаузен обращались к традиционной индийской и китайской музыке, но не только как к набору аудиальных навыков (иных техник выстраивания звука), а как к комплексу знаний, связанных с соответствующими религиями и традициями. Подобный подход позволяет обогатить не только музыку, но также избавиться от многих иллюзий относительно универсальности принятого и действующего способа мышления или ощущения.

С этим связана возникшая однажды ситуация взаимного непонимания между Штокхаузеном и одним французским журналистом, спросившем композитора о том, любит ли он природу (задававший вопрос ожидал, вероятно, услышать отрицательный ответ – как же, ведь Штокхаузен настолько «авангарден», какая уж там природа в таких «жутких» созвучиях) и очень удивившемся услышав: «Да, конечно!». Дело в том, что для журналиста существовала единственная «любовь к природе» «выраженная» в классической европейской музыке – определенные те-

мы, аккорды, лирические трели призванные вызывать в представлении слушающего образы вроде шелеста листьев, шума вод, пения птиц и т.д... (в общем – вся музыка эпохи Романтизма). Для Штокхаузена знакомого иными аудиальными практиками и понимавшего, что традиционная музыка Индии, Китая, различных африканских народов столь же «природна» и естественна, как и европейская не существовало какой-то одой определенной модели построения звуков, должных означать Природу. Вернее, для традиционных культур не существует разделения на «природное» и «не природное», мир природы и культуры существует как единое, органически связанное целое, включая в себя человека, который чутко приспосабливается к окружению, вслушивается в него, а не выпячивается, не «раскорячивается до фигуры господина земли» (выражение М. Хайдеггера). Может быть, из попытки подражать подобному вслушиванию в окружение возникает конкретная музыка, когда любой из встречающихся современному человеку в повседневной жизни звуков, как бы он ни был привычен, банален (шумы, голоса людей и животных) может использоваться как материал для композиции. Более того, сама тишина, которую необходимо заново научиться слушать и которая, по словам Кейджа «богаче любой самой изысканной мелодии» – это тоже часть нашего «неуслышанного» мира.

Ю.Е. Милютин

У ИСТОКОВ «РУССКОЙ ИДЕИ»

Концепт «русской идеи», как и концепт «соборности», переживают очередной ренессанс, поскольку снова Россия на распутье, пытаюсь, уже в который раз, найти ответы на исконно национальные вопросы – сомнения: «куда идти» и «что делать»? То ли присоединиться к цивилизованным странам и пойти по пути научно-технического прогресса (под своеобразной вывеской «консервативной модернизации»), построения гражданского общества и демократии, пусть даже и особой – «суверенной»? Впрочем, здесь мы несколько поотстали, и никто не может нам гарантировать успешного продвижения в этом направлении.

Другой путь связан с уникальностью русской культуры, её особой ментальностью укоренённой в глубинных архетипах национального сознания, выраженных концептами: «русская идея», «соборность», «всеединство» и пр. Между тем, не лишним будет напомнить о социально-культурном контексте России сер. XIX в., послужившем питательной почвой этим идеям-концептам. Россия в тот период была крестьянской страной, где две трети населения проживало в деревнях и